

ЗЕЛЕНАЯ ДАМПА

Альманах «Дерибасовская–Ришельевская» провел конкурс на рассказ в 192 слова. Конкурс завершен. В декабре будут подведены итоги. А минимализм настолько увлек студийцев, что они продолжают писать рассказы в 192 ступени Потемкинской лестницы, извините, — в 192 слова.

ГОРОД ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Одесса никогда не провожает солнце. Оно садится где-то там — за задним двором, в степи. Тихо скатывается за крыши городских окраин, на миг зажигает багровое зарево, тут же добавляет черноты, чтобы перекрасить вечер в ночь.

С уходом дня загорается разноцветными огнями Приморский бульвар. Гремит музыкой летняя Аркадия. Пестрит яркими красками Дерибасовская. Суету дневную сменяет суета ночная. Город весел и бодр. Он шутит, смеется, гуляет. Только к полуночи нерешительно, нехотя, еще отгоняя сон, еще сопротивляясь тишине, но всё слабее и слабее, начинает успокаиваться. Вот уже последний трамвай на Куликовом не пошел по стрелке на Фонтан, а проскользнул прямо — на линию трамвайного депо. И троллейбус, погасив номер маршрута, промчался мимо остановки с запоздавшим пассажиром. И булыжный гул мостовой на Пушкинской из непрерывного потока превратился в одиночные громовые раскаты. И светофоры заморгали желтым. И официанты в ресторанчике на Ришельевской хлопотливо убирают с улицы столики. Гасят свет. Гушат музыку. И только такси еще бодро бегает по проспектам, развозя полуночников по адресам. Да Воронцовский маяк режет тьму для далеких кораблей. Наступает короткая одесская ночь.

Всего через несколько часов со стороны моря появятся первые лучи, и Одесса, устроенная парадным входом на восток, встретит новый день. Одесса — город восходящего солнца.

Алексей Гладков

Григорий Барац

ФРАНЦУЖЕНКА

В столовке летом было так же жарко, как и на улице. Солнечные прямоугольники скользили по деревянным столам с запада на восток.

Не садясь, я выскреб из кармана школьных брюк жменю мелочи и высыпал на стол. Несколько монет покатались и с цоканьем поскакали по гранитной крошке пола. Догнать их было несложно. Когда я вынырнул из-под стола, надо мной тучей нависла баба Маня. Она полюбопытствовала, подают ли у синагоги лучше, чем у церкви, и не грабану ли я банк. Но, когда увидела мои перекошенные глаза, присела, взяла мою голову руками, похожими на олады, и прошепелявила на еврейско-украинском суржике: «Киндале, хлопец, не ховайся, у баби Мани на грудях стільки слез выплакано». И она прижала мою голову, одурманенную неизведанным доселе чувством, к своей теплой огромной груди.

От школы пешедралом до Оперного, если захотеть, минут тридцать. Но зачем торопиться, если у тебя в кармане целых пятнадцать копеек? Семь — на фруктовое мороженое, пять — на маленький стакан семечек и две — на два стакана чистой газировки. Мороженое я покупал сразу же, выйдя из школы, в круглом ларьке на углу Комсомольской и Тираспольской. Оно было каменно-ледяным, его хватало надолго.

В Пале-Рояль я входил с Ришельевской и, отряхивая лушпайки от семечек, спускался по узкой мраморной лестничке, притаившейся между стенами театра и полуразрушенного дома, к служебному входу. Бабульки, сидящие на вахте, знали меня за своего. «Это к Нюсеньке», — говорили они, я ходил к маме на работу уже шесть лет, начиная с первого класса. Полукруглые окна репетиционного зала балетной труппы, расположенного на верхнем этаже театра, смотрели на бульвар, думу, порт и море до самого горизонта. Мне нравилось сидеть спиной к залу, наблюдая, как ползают под деревьями малюсенькие людишки, как мимо Воронцовского маяка входят в порт многопалубные «пассажиры», как юркие портовые катера затаскивают к причалам огромные корабли.

Летние каникулы с четвертого на пятый класс чудесным образом изменили меня. Нос мой удлинился так, что я стал видеть его. Добавились сантиметры десяти роста, и я стал сутулиться, воображая себя очень высоким. До сих пор любимая книжка «Капитан Сорви-голова» сменилась «Суламифью». Законы пейзажи перестали интересовать.

Волею судьбы, потаенное чувство повернуло мой взгляд в зал, облицованный зеркалами, в которых многократно отражалось чудо.

Это чудо не проявлялось в ком-то конкретно. Все кордебалетные девочки были старше. Разница в три-четыре года давала им право относиться ко мне как к ребенку. Они садялись мне на колени, взъерошивали волосы, трепали за щеку, и, поцеловав, снис-

ходительно спрашивали меня об отметках. Семнадцатилетние для тринадцатилетнего — старше его почти на треть жизни. Я смотрел на них, как на неземные создания, маленьких фей.

Баба Маня слушала меня, покачивая головой, похожей на моченое яблоко. Кому еще мог я рассказать, что влюбился. «Втюрился», — подтвердила баба Маня. Да, точно, я втюрился в тот самый момент, как Селин, зайдя в зал, подошла ко мне и протянув руку, по-русски, но с французским «р», больше похожим на «г», произнесла неуклюжую фразу: «Предлагаю познакомиться».

Почему мое имя показалось ей смешным, не знаю. Колокольчики ее смеха переполнили пустой репетиционный зал, эхом отражаясь от зеркальных стен. Пружинки иссиня-черных волос то спадали на мраморное личико, то запрокидывались за изящные ушки, в мочках которых сидели перламутровые жемчужинки. «Увидимся», — сказала она, поворачиваясь к маме, перелистывающей ноты.

По дороге домой мама рассказала мне, что Селин — прима-балерина Парижского театра «Гранд Опера», у нее гастрольный тур. За день до отлета из Одессы будет танцевать Белого лебедя в «Лебедином озере», и в этот же день ей исполнится восемнадцать лет. Чем тринадцатилетний заморыш, воспитанник Треугольного, Щепного переулка и улицы Базарной, мог обратить на себя внимание примы из Парижа? Не станешь же в балетном зале набивать больше ста раз маялку, что было предметом зависти пацанов нашего района. И в ворота не станешь, чтобы взять пенал. И не услышит она, как пацаны величают тебя лучшим ловилой...

Избавившись, несмотря на возражения бабушки Хань, от тубетейки на голове, я попросил деда Соломона сделать мне толстые набойки на каблуки. Не спрашивая ни о чем, он увеличил мой рост сантиметра на два и, измерив меня смешливым прищуренным взглядом, произнес: «Наполеен!» Выглаживая брюки через пожелтевшую от чрезмерного употребления тряпочку, смоченную в мыльной воде, я репетировал беседу с Селин. В моем воображении она всегда заканчивалась признанием и поцелуем.

Сложенные стопочками по достоинству, монеты становились деньгами, за которые можно было купить целый букет. Все десять томительных дней я экономил на школьных завтраках, мороженом, семечках. Удвоил капитал, сыграв в «пожара» с пацанами с Успенской. «Скільки не пересчитуй — більш не стане», — сказала баба Маня, глядя на выстроенный по ранжиру строй монет. Свернув кулек из сложенного четверо газетного листа, размером как под большой стакан семечек, она соскребла в него все мое монетное состояние. Сунув руку в карман засаленного передника, вытащила помятый бумажный рубль и, вбро-

сив его в кулек, мечтательно произнесла: «Якщо б мені хтось квіти подарував, я б того...»

Что было бы с человеком, который подарил бы бабе Мане цветы, она так и не сказала. Но с ее рублем должно было хватить на восемнадцать белых роз, которые я уже давно высмотрел в цветочном ряду у Привоза.

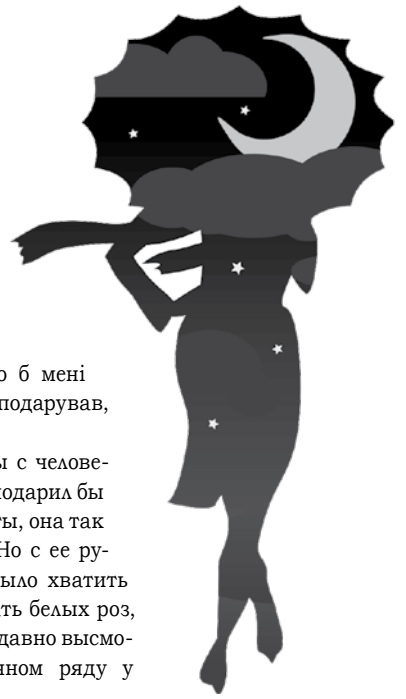
Место действия картинок, которые я рисовал себе, воображая, как буду дарить французенке цветы, начиналось из номера гостиницы «Лондонской», куда бы меня и на порог не пустили, перемещалось к служебному входу в театр, репетиционный зал и, наконец, в ее гримерку. В последний момент я решила дожидаться перерыва и, чего бы ни стоило, остаться с ней наедине.

Она летала по залу, будто бы силы земного притяжения на нее не действовали. Когда ее лукавое личико было обращено в мою сторону, мне казалось, что она улыбается и подмигивает мне, сидящему с букетом белых роз на низенькой скамеечке, между окном и роялем.

Внезапно она остановилась лицом к входу в зал. Мама, не видя ее, продолжала играть, но тоже остановилась, уловив посторонние звуки. За дверью зала что-то происходило. Внезапно глухая створка двери со скрежетом отворилась. В проеме, во всю его метровую ширину, показалась клумба красных роз, а вслед за ней — высокоченный парень. Это был красавец лет двадцати пяти, черноволосый, голубоглазый, в кофейном пальто и с черной фетровой шляпой в руке.

Французенка вспорхнула к нему на шею и почти исчезла за букетом. От боли я зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что Селин идет в сторону рояля, мягко, по кошачьи перебирая ножками в пуантах. За ней шел парень с букетом. Глазами она велела ему положить цветы на рояль и, обнимая, благодарил маму: «Это тьебе, Нюсичка, ты мне сильно помог». Не дожидаясь ответа, шагнул ко мне, одеревеневшему, сжимающему восемнадцать белых роз мертвой хваткой. Окунула меня тонкими нежными руками и прижала к груди так, что я слышал биение ее сердца.

«Если ты родился немножко поздно, я любил тебя», — прошептала она мне на ухо и поцеловала в краешек губ. Розы выпали из моих рук, ноги подогнулись, я растянулся на полу и... уснул. Уснул среди белых роз, а когда проснулся или сознание вернулось ко мне, долго не мог понять — приснилась мне Селин, или была на самом деле. ♦

РЕЦЕНЗИЯ

ЧТО ТАКОЕ ОЧЕРЕДЬ ДЛЯ НАС?

Этот вопрос живо обсуждало множество ценителей изобразительного искусства во Всемирном клубе одеситов на открытии выставки акварелей художницы Ирины Озаринской. По-настоящему одесский тон обсуждению задали Евгений Голубовский и Феликс Кохрихт. Ирина — одеситка в седьмом колене и одна из героинь фильма «Интонация большой Одессы» — представила очень ин-

тересные работы и подарила массу впечатлений.

Присутствующие живо делились воспоминаниями о «своих очередях» (кто за прекрасным, кто за ужасным — квартиру, за паспорт, в детской садик, в поликлинику, в аптеку, за дефицитом, к пивному ларьку, за билетами, к модной портнихе, в музей; про «наряды вне очереди» от старшины и т. д.), рассказывали одесские анекдоты.

Насладившись работами Ирины, для себя я ответила на вопрос так: очередь — это еще и возможность общения. Пусть даже без слов, через общее эмоциональное поле и общие ощущения. А уж если удалось постоять в очереди с настоящими одесситами, считайте, что «вы имели счастье»! Потому что только в одесской очереди можно поскандальить в свое удовольствие и довести народ до слез — от смеха... ♦

Маргарита Коробичина